

КОСВЕННОЕ ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В ПРАВЕ СУДОМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

*Бабкина Е. В., Белорусский государственный университет,
e-mail: babkinaelena16@gmail.com
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Показана практика Суда ЕАЭС, направленная на восполнение пробелов в праве ЕАЭС. Сформулирован вывод о косвенном участии Суда ЕАЭС в нормотворческом процессе Союза.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; право ЕАЭС; Суд ЕАЭС; толкование; нормотворчество.*

Цель деятельности Суда ЕАЭС закреплена в статье 2 Статута Суда (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.): обеспечение единообразного применения государствами — членами и органами Союза права Союза. Однако очевидно, что роль Суда в интеграционном процессе не ограничивается названной целью, она значительно шире и, как показывает правоприменительная практика Суда, включает в себя как совершенствование права Союза, так и предварительный нормоконтроль. Первые годы функционирования Суда доказали его востребованность и состоятельность.

Безусловно, Суд ЕАЭС не создает норму права в процессе непосредственной нормотворческой деятельности. Выполняя статутную функцию — осуществление правосудия в форме разрешения спора или осуществления толкования — Суд неуклонно сталкивается с необходимостью восполнения пробелов в праве Союза. Причем, иногда это прямое восполнение пробелов, а порой — косвенное, когда правовая позиция Суда указывает на отсутствие правовой определенности, что является основанием для принятия органом Союза релевантного нормативного правового акта.

Наглядным примером является первое решение, принятое предшественником Суда Союза, а именно Судом Евразийского экономического сообщества, 5 сентября 2012 г. по заявлению ОАО «Угольная компания Южный Кузбасс». В своем заявлении истец оспаривал решение Комиссии № 335, которое, несмотря на отмену с 1 июля 2011 г. таможенного оформления товаров, происходящих из государств-участников ТС и перемещаемых между территориями государств — участников Таможенного союза, требовало декларирования товара 27-ой товарной группы Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕврАзЭС (уголь каменный), вывозимого из Российской Федерации в Республику Казахстан для целей статистики, но с уплатой таможенных сборов.

В данном решении косвенное восполнение пробела в праве

ЕврАзЭС было осуществлено Судом при решении вопроса соблюдения установленного порядка предварительного урегулирования спора. Суд указал, что отсутствие на тот момент четкого механизма урегулирования спора в Евразийской экономической комиссии (далее — Комиссия, ЕЭК) свидетельствует об отсутствии правовой определенности и как следствие не может вменяться в

вину заявителю. Впоследствии, Комиссия ликвидировала данную правовую неопределенность посредством принятия решения от 19 марта 2013 г. № 46 «О Порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии».

Совсем свежим примером влияния практики Суда на развитие права Союза является решение Коллегии от 11 октября 2018 г. по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» о признании бездействия ЕЭК не соответствующим Договору. По мнению истца, бездействие Комиссии выразилось в непроведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о нарушении Российской Федерацией его прав на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов. Это право предоставлено Решением Комиссии таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза». Вышеназванная обязанность Комиссии предусмотрена пунктами 43 и 55 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося неотъемлемым приложением к Договору о ЕАЭС. Несмотря на позицию ответчика — ЕЭК, суд счел, что мониторинг представляет собой определенную последовательность действий по контролю не только законодательства, но и правоприменительной практики государств-членов, а также направление государствам-членам уведомлений о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии. Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

Суд констатировал, что Комиссией была проведена работа, являющаяся лишь одним из этапов мониторинга. ЕЭК, по мнению Суда, ограничилась анализом норм национального законодательства Российской Федерации и уклонилась от необходимости изучения соответствующей правоприменительной практики государств-членов. Способ осуществления ею мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, решений Комиссии является неполным и поверхностным, следовательно, бездействие Комиссии не в полной мере соответствует Договору о ЕАЭС.

Суд *inter alia* отметил отсутствие специального правового регулирования в ЕЭК механизма общего мониторинга, за исключением механизма мониторинга в сфере предоставления субсидий. Данный вывод безусловно будет услышан Комиссией и послужит правовым основанием для разработки и принятия соответствующего локального нормативного правового акта, отвечающего требованию правовой определенности.

Таким образом, правоприменительная практика Суда ЕАЭС демонстрирует косвенное его участие в нормотворческом процессе Союза, которое де-факто признано органами Союза.